

Личное имя как носитель социальной информации

Трудно найти языковой знак, который был бы в большей степени приближен к человеку, чем имя собственное. Выделяя индивида из числа многих, имя служит той точкой отсчета, опираясь на которую, человек осваивает отношения «я – другой и другие», привыкает отделять себя от многих, осознает свою уникальность и развивается как личность. Ни личное местоимение, ни нарицательные обозначения не могут в полной мере выполнить функцию этой ментальной опоры. Не случайно исходное наполнение термина «имя собственное» (первоначально относившегося только к антропонимам) связано именно с тем, что входит в круг духовного владения, обладания, духовной собственности человека.

Однако, будучи символом человеческой уникальности, имя одновременно несет в себе глубокий социальный смысл, поскольку вводит своего носителя в культурное пространство и социальный континуум, включает в многочисленные связи и отношения – правовые, религиозные, нравственные и прочие – и таким образом служит языковым инструментом социального приобщения. Уже сам акт наречения, или наделения именем расценивается как акт принятия обществом в свои пределы нового члена. Эту семантику прозрачно проявляет лексический материал языков¹, которые в значительной мере сохранили реликты ар-

¹ Например, у западноафриканского народа фульбе ребенок, не получивший имени, воспринимается как нечто неодушевленное. Поэтому принято, говоря о нем, употреблять местоимение, которое не относится к категории людей [Системы 1989: .321].

хаичного отношения к слову. Ее эксплицируют тексты, сопровождающие ритуалы именования у племенных народов². Она включена в существующие по сей день и существовавшие ранее в разных культурах правила языкового поведения, согласно которым события биологического свойства (рождение ребенка и первые дни его жизни) отделены и отдалены от наречения как особого социального действия³.

В лингвистических и философских интерпретациях имени собственного (при разности концептуальных платформ его многочисленных исследователей) социальная нагрузка знака не подвергается сомнению: «Без имени, – писал ярчайший философ серебряного века П.А. Флорен-

² См., в частности фрагмент текста церемонии наречения у игбо (народность Нигерии): «Братя, новый ребенок родился. Пока он был в матке, он принадлежал женщине. Благополучно родившись, он стал общим ребенком, членом семьи Нибо, нигерийцем. Он вырастет под присмотром родителей; повзрослев, он будет о них заботиться. Он станет прислушиваться к добрым советам родителей и избегать дурного. Нам нужен не просто какой-нибудь, а по-настоящему хороший ребенок. Он вырастет трудолюбивым, будет помогать отцу, матери и другим родственникам. Пусть он не будет злым! Пусть ему, а не вору сопутствует удача. Имя ребенку – Чинень» [Всемирное ... 1995: 132].

³ Укажем выборочно лишь несколько примеров таких культурных стереотипов: так, чукчи присваивают имя ребенку на пятый день его жизни. Восточноафриканские народы банту – на седьмой день. Синегалы – жители острова Шри-Ланка в Юго-Восточной Азии – именуют ребенка по прошествии года после его рождения, при этом действие сопровождается составлением подробных и сложных гороскопов и включается в обряд первого «рисового кормления».

У древних народов, насколько позволяет судить о том исторический материал, именование также было отдалено во времени: например, согласно древнегреческой традиции имя положено было давать ребенку лишь на десятый день его жизни [Системы ... 1989: 288, 337, 368 и др.]

ский, – общественному устройству нет средств включить в себя и соотнести собою своих членов» [Флоренский 1982: 264]. Сходную оценку можно найти в феноменологии имени у А.Ф. Лосева: «Без слова и имени человек – вечный узник самого себя, по существу и принципиально антисоциален, необщителен, неспособен и, следовательно, также неиндивидуален, не суший, он – чисто животный организм» [Лосев 1990: 49].

Если коротко подытожить сказанное и перевести характеристику имени в формат лингвистической семиотики, можно сделать следующее принципиальное заключение: социоцентрическое начало выступает неотъемлемой частью феномена имени, оно заложено в его природе и образует сложное диалектическое единство с тем, что является началом эгоцентрическим, или личностно ориентированным. Единство этих противоположностей – их разнополярность и сопряжение – создает в семиотическом объеме знака главную смысловую антиномию, ту смысловую напряженность, которая обуславливает специфику знака и его способность выполнять особые функции.

Имя собственное индивидуально, но индивидуальность – буквально от *in divido* – «не-раздельность» – подразумевает объективное присутствие других, от-деленных и мыслимых в разделении сущностей, возможность противопоставления которых «нераздельному» предельно широка. Именно потому спектр многочисленных социальных характеристик человека, при явной своей пространности и разнообразии, способен, как в зеркале, отражаться в именных обозначениях, по-разному проявляясь в тех или иных компонентах формы или содержания.

Самые простые подтверждения тому – социально значимые признаки, которые могут закладываться в мотивировочную семантику в случае, если нормы культурной традиции разрешают свободно «сочинять», создавать имена на базе описательного лексического материала. Подобные

традиции, как правило, сохраняются в изолированных культурах малых народов, не испытавших на себе влияния мировых религий (и здесь социокультурные факторы заявляют о себе на уровне внешних регуляторов деятельности). Приведем в этой связи примеры из именника нганасанов – северного народа, который не подвергся процессу христианизации и сохранил вплоть до XX столетия обычаи свободного конструирования имен почти исключительно из средств родного языка. В интересующем нас ракурсе интересны некоторые нганасанские имена, выражающие пожелания родителей: *Б̄арбэ* – «хозяин, начальник» (то есть «вырастет, станет хорошим хозяином и улучшит состояние семьи»), *Дил"о* – от глагола *дилэби* «поднять» (имя дано в ожидании, что выросший сын поднимет благосостояние своих родителей), *Туй* – «огонь» (огонь считался священной принадлежностью рода, унаследованной от предков; этим именем мальчику предписывалось охранять родовые традиции), *Таси* – от глагола *татүси* «держат оленей» – имя выражает пожелание, чтобы сын стал умелым оленеводом [Терещенко 1965: 24]. Отмеченные мотивировочные признаки – ответственность перед родом за его достаток, благосостояние, традиции – хорошо подчеркивают те ценностные ориентиры, которые выработаны в этнической культуре при осмыслении долга и обязанностей человека как члена сообщества и через мотивировочные модели поддерживаются на уровне языковой картины мира.

Известно, что аналогичным образом – с помощью относительно свободного словообразования из материала нарицательной лексики – складывались языческие древнерусские имена и прозвания. Жесткую разделительную черту между ними провести невозможно, да и сами слова «имя», «прозвание», «прозвание», как показывает их нераздельное использование в древнерусских текстах, имели близкое или тождественное значение. Однако даже беглый взгляд на перечень личных древнерусских именовании позволяет

обнаружить определители социального «профиля» человека. Упомянем лишь некоторые из них: такие имена, как *Несвой*, *Инозем* несут указание на прежнюю прямую или опосредованную (через сородичей) принадлежность своих носителей к какому-то иному сообществу. Сходная, хотя и более конкретная мотивировка, просматривается в именовании *Варяжско*, *Гречанин*, *Казарин*, *Немчин* (буквально «не говорящий на понятном для нас языке»).

Другой социальный признак – род деятельности, занятий человека, осмысляемый в реальной или пожелательной модальности, – отражается в именах *Кузнец*, *Гончар*, *Дегтярь* и под.⁴

Примечательно, что в древнерусском антропонимическом материале рельефно проступает различие «свой – чужой». Эта оппозиция, древняя и, в сущности, универсальная для всех культур, являет себя и в нарицательной лексике, и в собственных именах, однако степень интенсивности, с которой она эксплицируется в антропонимах разных народов, различна. Лексически выраженным при этом оказывается второй член смысловой оппозиции – «чужой», поскольку принадлежность к кругу «своих» уже заложена «по умолчанию» в именах обычных и привычных для языкового коллектива. У восточных славян значимость именной мотивировки через указание на чужака очевидна: признак инородности «проговаривается» в разных вариациях. Но сам факт именовании одновременно служит сигналом включения иноплеменника в свое жизненное пространство и приобщения к тем связям, которые здесь существуют⁵. «Чужой, ставший своим» – так можно сформули-

⁴ Примеры даны по известной работе Селищева А.М. Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ [Селищев 1968: 97-128].

⁵ Имена нарицательные, в отличие от антропонимов, напротив, по сути выполняют функцию обозначения разных граней противопоставления своего и чужого.

ровать смысл мотивировочной именной модели. Регулярность ее применения есть языковое подтверждение не только множественности этнических контактов, но и открытого характера древнерусской культуры.

Все приведенные выше примеры личных именовании объединены в том отношении, что в равной степени демонстрируют возможности передачи социальных характеристик человека посредством мотивировочной семантики, или внутренней формы слова. Она входит в семантический объем имени и осознается носителями языка при условии сохранения производящего лексического материала и актуализации живых словопроизводственных связей. Однако это далеко не единственный способ передачи социальной информации.

Еще одним средством для выполнения той же функции являются некоторые структурные компоненты имени. Чаще всего это относительно свободные либо связанные и частично десемантизированные корни (радикалоиды), которые указывают на особые связи человека с социальной группой или сообществом. Предельно прозрачно эту нагрузку демонстрируют кастовые индикаторы индийских имен, они выступают в качестве дополнительных знаков в структуре составных именовании и сигнализируют о правах их владельцев на определенное место в кастовой иерархии общества. Так, именные индексы *Чатурведи* – «знающий четыре веды», *Триведи* – «знающий три веды», *Двivedи* – «знающий две веды», а также *Шукла* – «светлый», *Шарма*, *Варма*, *Упадхья* сообщают о том, что носители имен относятся к высшей брахманской (жреческой) касте; *Синх*, *Анора*, *Чонра* – показатели причастности к касте воинов и т.д. [Системы ... 1989: 122].

Роль маркеров, указывающих на место человека в социальной иерархии, могут брать на себя «титulyные компоненты» сложных имен, их широкое хождение отмечено у разных народов мира. Разветвленная титулатура, в частно-

сти, вплоть до середины XX века входила в словообразовательные модели имен южно-азиатских народов. Титульные компоненты были популярны в языках народов, населяющих острова Яву, Мадур, Бали, Суматру, Сумбы, Сумбавы и стабильно закреплялись в именах высшей феодальной аристократии, см.: *Hamengku Buwono* - «миродержец» (династическое имя султанов Джокьякарты), *Paku Buwono* «ось мира» (имя императора Суракарты), *Sakraningrad* – «властитель мира» (имя императора Мадур).

Не составляли исключения в маркировании причастности к верхушке общества и древние славянские имена. Древнерусский именник, как это отмечал еще Е.А. Болховитинов, довольно четко дифференцировал общество на элиту – князя, бояре, старшая дружина – и остальную массу [Болховитинов 1813: 18]. Имена высшего сословия Древней Руси обычно представляли собой именасложения с элементами, которые несли семантику атрибутов власти: умение править, умение воевать, особые свойства воли и влияния, выделяющие человека среди других (качества, которые в определениях современного языка называют харизматическими): *-мир/мір-*, *-слав-*, *тверд-*, *яр-*, *вои-/вой-*, *-мсти-* и т.под. См.: *Владимир*- буквально «владеющий миром, сообществом», а также *Велимир*, *Вестимир*, *Властимир*, *Воимир*, *Воислав*, *Всеволод*, *Всеслав*, *Всемир*, *Вышевлав*, *Гремислав*, *Ратислав*, *Твердомир*, *Ярополк*, *Ярослав* и др.

Учитывая семантические параллели в других языках, можно полагать за подобными именами модальность исходной пожелательности: они отражали пожелание родителей (либо династии) нареченным в будущем обрести свойства, предписанные именем. Но тот факт, что именасложения с «властными» компонентами есть во многих славянских языках, убеждает в наличии глубоких исторических корней и весьма архаичном характере модели в целом. Вместе с тем содержательное сходство «титульных»

компонентов в именах разных по своему происхождению языков оставляет простор для гипотезы о неких универсалиях, лежащих в их основании.

Социальная семантика стабильно повторяющихся радикасоидов открыта для восприятия и даже при условии частичного размывания носит достаточно выраженный характер в силу промежуточного статуса самой морфемы – между корнем и аффиксом. Но маркирующую функцию способны выполнять даже служебные, аффиксальные компоненты. У русских подчиненную социальную позицию передавали вплоть до середины XIX века суффиксы *-к(а)/-к(о)* с уменьшительно-уничижительным значением. С таким суффиксом употреблялись не только в устной, но и в письменной официальной деловой речи календарные, и некалендарные имена: *крестьянишко Максимко Кондратьев сын Можяев, Дружинка Васильев, сын Кочебан*. Имена женщин-крестьянок оформлялись с помощью суффиксов *-иц(а)* – *Ксеньица, Марьица*, иногда с помощью суффикса *-к(а)* – *Иринка, Оленка*. Все эти антропонимы, уничижительные по форме, не несли эмоционально-оценочной окраски, но предназначались исключительно для низшего сословия [см. Полякова 2005: 67].

Не менее значимыми для социальной дифференциации у русских оказывались различия в огласовке христианских канонических имен. Заимствованные имена – греческие, латинские, семитские по происхождению – нередко по-разному адаптировались в простонародной и знатной среде. В результате возникали отличные в звуковом отношении варианты одного и того же корня. Каноническое имя *Афанасий* в народной речи превращалось в *Апанас, Георгий* – в *Егор, Дмитрий* – в *Митрий*; *Анастасия* становилась *Настасьей, Елена* – *Аленой, Оленой, Евдокия* – *Адвотьей*.

В народной речи в первую очередь происходило приспособление заимствований к живым звуковым законам

языка-преемника. Впрочем, нужно признать, что расхождение звуковых форм при усвоении иноязычных имен коснулось лишь части именника и не затронуло всего объема канонического списка: в нем сохранились имена, непривычные для слуха русского человека. Возможные перестройки, если и происходили на уровне устной речи, не дали сколько-нибудь устойчивых результатов в виде обозначений, которые бы прочно вошли в языковой фонд. Несомненную сдерживающую роль здесь играл внешний социокультурный фактор – авторитет церковной нормы. В новых актах наречения выбор имени вновь отталкивался от церковных текстов – месяцеслова и святцев, и непреложность канонического списка оставляла мало шансов для массовых и регулярных звуковых модификаций.

До сих пор мы говорили о компонентах семантики, которые находят материальное выражение в каких-либо сторонах формы антропонима – его структуре, звуковой оболочке, внутренней форме. Однако есть и более тонкие и сложные по лингвистической организации связи между именем и социальной информацией, которую оно способно передавать. В отдельных случаях имя целиком, во всей целостности содержания, строения и звучания приобретает функцию социального маркера. Вспомним хрестоматийный пример имени главной героини пушкинского романа «Евгений Онегин» Татьяны. Читающая просвещенная публика XIX века не могла не удивляться диссонансу: дворянская девушка носила имя, которое в большей степени подходило для простолюдинки⁶.

⁶ Выбор имени, однако, был всецело оправданным. Наблюдения над жизнью языка у Пушкина неизменно распространялись и на бытование собственных имен. В примечании в «Евгению Онегину» он писал о предпочтительном употреблении таких имен, как Агафон, Филат, Фекла, именно в простонародной среде. Простонародное имя Татьяна обратилось у поэта в один из инструментов для

Привязка тех или иных имен к определенному социальному слою хорошо осознавалась в XIX столетии. И.С.Тургенев в рассказе «Уездный лекарь» выводит лекаря Трифона, отвергнутого дворянкой из-за его плебейского имени; лекарь женится на купеческой дочери – зовут ее Акулина, «Трифону-то под стать». Жизненность этого сюжета подтверждают коллизии в реальных семейных биографиях. Б.А.Успенский со ссылкой на семейные записки А.Лескова приводит такой факт: «Бабка писателя Н.С.Лескова по материнской линии родилась в 1790 г. В Москве в зажиточной купеческой семье. Родители хотели назвать ее Александрой, но священник окрестил младенца Акилиной (по святам, поскольку день рождения девочки приходился на день св. Акилины). Отец слышать не мог неблагозвучного имени новорожденной, видя в нем поругание своей купеческой именитости и избыточности. Бросился к архиерею – тщетно! Тогда он строго-настрого приказал всем в доме облагорожено называть девочку Александрой... Тайна эта соблюдалась всеми. Подлинное имя открылось только на панихиде» [Успенский 1995: 338].

Итак, имя, не обладая какими бы то ни было внешними отличиями, включенное вместе с другими на правах равного в антропонимический «список», все-таки может нести дополнительную окраску. Закономерен вопрос о языковом механизме этого эффекта. Что в устройстве языкового знака позволяет ему выполнять различительную работу, и может ли звуковая оболочка имени сама по себе, напрямую передавать социальную семантику?

решения задач художественного свойства: его героиня системе персонажей романа воплощала лучшие черты национального женского характера, взращенного не ограниченным светским воспитанием, а ценностными установлениями всей народной русской культуры.

Последнее предположение заслуживает скорее отрицательного ответа. Взятая изолированно, звуковая форма едва ли способна вызывать стабильные и четкие ассоциации. Зависимость здесь имеет опосредованное свойство: звучание опосредовано особыми компонентами значения, точнее, смысловыми оттенками, или коннотациями, которые появляются у слова, если при своем употреблении оно начинает устойчиво соотноситься с некоторыми общими для большинства членов языкового коллектива представлениями. Поэтому привычки и предпочтения в выборе и речевом использовании имен, сформировавшиеся в той или иной социокультурной среде, «откладываются» в их периферийной семантике в виде особых культурных коннотаций. Подобное коннотированное имя сохраняет связь с социально дифференцированными традициями и при ее актуализации подчеркивает принадлежность своего носителя к определенному сословию или группе.

Говоря о семиотическом потенциале имени, нельзя не упомянуть еще об одном возможном компоненте его уже не периферийной, а фоновой семантики – своеобразном смысловом ореоле, окружающем именной знак. Особое место имени в культуре влияет на выработку некоторых стереотипов речевого поведения, диктующих, в свою очередь, правила применения имени в языковой практике – выбор, изменение, подмену и т.д. Сложившиеся сценарии типизированных, или ритуализированных речевых действий с использованием собственных имен сохраняют прочные ассоциативные привязки к антропонимическому знаку, таким образом, ментальные коммуникативные схемы, сохраняемые в коллективном культурном «фонде», сцепляются с устойчивыми представлениями о семиотических возможностях имени.

Но и сам языковой знак вбирает в свою фоновую семантику снятые и свернутые во фрейм представления, которые – уже в обратной проекции – могут развернуть ментальную

схему речевого и поведенческого сценария. Так имя начинает осознаваться как инструмент и/или символ действия, события. Это отчетливо прослеживается в обрядах инициации. Например, согласно архаичным обычаям тувинцев юноша, достигший совершеннолетия, считался мужчиной, только если он мог укротить коня. Переход в качественно новое состояние и приобщение к полноправным членам сообщества сопровождалось обрядом наречения с присвоением нового, взрослого имени – символа изменившегося социального статуса, новых прав и обязанностей человека. Имя оказывалось вплетенным в ритуал, и одновременно оно было окружено ритуалом, поскольку находилось в центре события. Именованье – знак и одновременно цель и награда, право на обладание которой нужно было заслужить.

Можно полагать, что древняя ритуальная, инструментальная функция личного имени лежит в основе многих правил смены имен, которые по сей день существуют в разных культурах. Отголоски семантики можно усматривать в правилах возрастных переименований у некоторых азиатских народов. В частности, согласно вьетнамским традициям человек на протяжении своей жизни имеет несколько имен: в раннем детстве ребенок носит «молочное имя», известное только в кругу семьи. После достижения совершеннолетия он получает официальное имя. Нередко при поступлении на службу родители или друзья дают ему еще и второе имя. Кроме того, каждый человек, достигший успехов в карьере, может выбрать себе псевдоним – этот именной знак становится своеобразным символом самостоятельной жизненной позиции личности⁷.

⁷ У китайцев в настоящее время еще принято в раннем возрасте давать ребенку «молочное имя» (*жу-мин*, или *сяо-мин*), которое употребляется в семье, а уже по достижении совершеннолетия китаец получает официальное имя (*мин*), которое сопутствует ему до самой

К особым ритуалам следует отнести наделение именем в обряде крещения, принятом в христианской церковной традиции. Именованье в этом случае также сигнализирует о некоем переходе: оно наполняется смыслом приобщения к вере и расценивается церковью как первый шаг на пути обретения духовных ценностей религии.

Современное православие сохраняет эту трактовку, ср.: «Освящение имени человека особой молитвой о нем в Духе Святом освобождает человека от влияния природных, более грубых энергий и дает возможность выйти на новый уровень духовного развития. С этого момента его имя несет связь с иными, исходящими от Бога, а не от человека, энергиями, что изменяет весь настрой личности» [Мумриков 1995: 38]. Иной церковный ритуал – принятие монашеского сана – неизменно сопровождается актом замены имени, это действие призвано быть знаком разрыва связей человека с миром и полного посвящения его жизни делу религиозного служения.

В целом мена имени при переходе человека в другую возрастную категорию, модификация первичного антропонима или переименование при изменении социального статуса имеют общее смысловое основание: они косвенно свидетельствуют о приобретении человеком новой социальной роли, новых обязанностей и ответственности. Имя выступает сигналом произошедшего изменения, но способность его к выполнению этой функции обусловлена сложившимися стереотипами восприятия, интерпретирующими знак в качестве маркера, или указателя на состояния, которые принципиально значимы для социума.

смерти. Особое детское имя («рисовое имя») сохраняется до совершеннолетия у синегалов, сменяющее его имя официальное свидетельствует о получении человеком социальных «полномочий» полноправного члена общества.

Подведем итог эскизному обсуждению нашей темы. Социальная семантика пронизывает весь объем имени собственного. Исходная точка для ее формирования лежит в когнитивном основании знака, призванного по своей основной языковой функции выделять индивидуума как члена сообщества.

Социальная семантика может транслироваться внутренней формой имени, его мотивировочным значением, если имя создается в ходе словообразовательной деятельности. Она воплощается средствами служебных морфем и близких к ним дополнительных индикаторов, несущих указание на социальный статус человека.

Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 1990.

Терещенко Н.М. Собственные имена людей у ненцев // Вопросы советского финно-угроведения. Вып.3. – М., 1965.

Системы личных имен у народов мира. – М., 1989.

Болховитинов Е.А. О личных собственных именах у Славеноруссов // Вестник Европы. М., 1813, ч. LXX, №13.

Полякова Е.Н. Роль делового языка в развитии русской антропонимии XVII-XVIII веков // Ономастика в кругу гуманитарных наук. – Екатеринбург, 2005.

Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий // Б.-О. Унбегаун «Русские фамилии». – М., 1995.

Мумриков отец Александр Что в имени твоём // Наука и религия. 1995. № 5.

©Голомидова М.В., 2009